

памятнику
Г. Державину
в Казани –
160 лет

Арсен Мауров

**Я памятник себе воздвиг
чудесный, вечный**

Впервые мысль об увековечении памяти прославленного земляка зародилась среди членов Казанского общества любителей отечественной словесности осенью 1816 года. Но только в 1831 году архитектор Абрам Мельников представил проект памятника, который был одобрен Академией художеств и утверждён. После чего по всей России была открыта подписка на добровольные пожертвования для сооружения памятника. Набранная сумма намного превосходила первоначальную смету расходов, и поэтому министр внутренних дел граф Блудов счёл возможным обратиться к Николаю I с предложением, изменить проект памятника, сделать его художественно богаче. В своём докладе императору граф писал: «Необходимо соорудить памятник в таком виде, который бы по изяществу рисунка и размерам соответствовал цели изъяснить уважение России к одному из первейших её поэтов и, с тем вместе, служил бы украшением довольно важного города в Империи, какова есть Казань». В ответ Николай I высочайше повелел «открыть конкурс для сооружения памятника Гавриилу Державину».

Скульпторам давалась полная свобода действий в художественном и материальном планах. В результате выбор пал на проект архитектора К. Тона и скульптора С. Гальберга. Пока в Санкт-Петербурге отливали монумент, в Казани развернулась острая полемика о месте его установки.

Споры вскоре прекратил Николай I, который, будучи в Казани, при осмотре Университета самолично выбрал место для памятника Державину – в университетском дворе, вблизи Анатомического театра.

А тем временем в Санкт-Петербурге продолжали отливку бронзового монумента. Только в 1843 году были закончены работы и Державин, бережно укутанный в ветошь и солому, отбыл в Казань. Вот как описывает прибытие и переноску в университетский двор много-

пудовой скульптуры знаток творчества поэта известный филолог Я. Грот: «Касательно перевозки на место памятника, доставленного водою в Казань, до нас дошел следующий рассказ очевидца. Чтобы приискать лучший к тому способ, университетское начальство созвало архитекторов, которые, разумеется, и указали на употребительные в таких случаях сложные и недешево стоящие приспособления. Но капитан судна решил вопрос гораздо проще... На Булаке стоит биржа, куда стекается множество народа. К этому-то сборищу и обратился он с такой речью: «Добрые люди! Вот приехал земляк ваш Державин, и перевезти его надо, а как это сделать, если ты не поможешь? Народ православный, помоги перевезти Державину!»

Толпа, не задумываясь, выразила свою готовность исполнить просьбу:

тотчас устроены были салазки из бревен, и гранитные части памятника вместе с самой скульптурой были бережно перенесены сначала с баржи на берег, а потом и к университету».

Торжественное открытие было назначено на 23 августа 1847 года (по старому стилю). Как сообщалось в журнале Министерства народного просвещения, в этот день университетский дворик и здания «представляли весьма нарядный вид». Монумент был закрыт белой завесой, а у его основания на особых возвышениях были поставлены бюсты «великих мужей древности и новых времен». После торжественной литургии в университетской церкви, панихиды у памятника и торжественной, двухчасовой речи проректора Императорского казанского университета, профессора Карла Фойгта, он был открыт для всеобщего обозрения.

Выполненная в псевдо римском стиле, скульптура была поставлена на пьедестал из красного гранита. Поэт был изображен облаченным в римскую тогу и обутым в сандалии. В правой приподнятой руке – стило, левая поддерживает лиру. Четырехугольный чугунный постамент, на который была водружена статуя поэта, с трех сторон имел барельефы, выполненные известным скульптором Самуилом Гальбергом (ныне они в точности восстановлены). Первый из них изображает Державина, декламирующего свои оды перед Фелицей, и трех граций, внимающих ему. Здесь подразумевалась императрица Екатерина II, которой Гавриил Романович посвятил свою оду «Фелица» (от латинского слова felicitas – счастье), написанную им в 1783 году и принесшую ему общероссийскую славу. Второй барельеф изображает аллегорические фигуры Ночи и Дня (в древнегреческой мифологии Урании и Феба) – это своеобразный синтез Вселенной, воспетой Державиным в одах. Тема третьего барельефа исследователями трактовалась по-разному. Одни считали, что здесь в аллегорической форме представлено просвещение.

Оно повергает невежество, которое падая, роняет свою маску. Другие видели здесь поэта, воспевającego Давида, который в сопровождении Минервы поражает из пращи Голиафа (обычная по тому времени аллегория борьбы Александра I с Наполеоном). В целом же сюжеты барельефов, несомненно, отражают поэтическое творчество Державина.

Двадцать три года монумент простоял в университетском дворике, рядом с Анатомическим театром, затем его перенесли на более видную Театральную площадь. Вокруг памятника на пустынном и пыльном плацу был разбит уютный сквер, украшенный небольшим фонтаном и беседкой, где в летнее время продавались минеральная вода и кумыс. Однако во второй половине 30-х годов прошлого века памятника не стало. По свидетельству очевидцев, бронзовый поэт был безжалостно разбит кувалдами, и в одном из трамвайных депо Державина переплавили на тормозные колодки. Кто-то из толпы подобрал отлетевшую в сторону головку грации и палец поэта, только они, как дорогие реликвии и сохранились от того первого памятника...

Вот как описывает писатель Ахат Мушинский в своем романе «Шейх и звездочет» «исторический момент» низвержения кумира.

Итак, внимание героя романа «...привлѣк гул голосов, какое-то волнение-столпотворение возле памятника Державину. На постаменте памятника, зацепившись за бронзовую лиру поэта, раскаленно излагал свои мысли оратор. Лицо его от напряжения покраснело, шея орельефилась жилами, точно сгустки слов шли непосредственно по ним. Оратор, взявшись за скульптуру, кричал:

– Сколько можно терпеть в центре нашего города памятник вельможе и мурзе! Здесь место памяти народному вождю Емельяну Пугачёву, а не царскому прихвостню. Расселся!

Второе месторасположение памятника – на бывшей Театральной площади, ныне – пл. Свободы

Толпа ободряюще загудела, зашевелилась.

– Неча ему тут. За Пугачёвым гонялся, море люда повставшего, алкая выслужиться, казнил.

– О-до-пи-сец!

– Чего горло драть, сдернуть!

– Сейчас трактор подойдет!

– А может, за трамвай зацепим?

– Какую ещё техническую силу ждать? Мы сами сила. Живая! – махнул кулаком оратор. – Чать, свалим, поднатужившись. Он, сколько нас! А-а?

– Сва-а-алим!

Словно заранее приготовленный, появился пароходный канат...

Трещали барабаны, звенели горны. Безучастным ко всему происходящему оставалось одно лицо. Неподвижное, величественное. Оно смотрело поверх голов собравшихся вокруг людей куда-то в бесконечную даль веков, и солнце играло на его бронзовом челе.

Два каната туго перехватили памятник крест-накрест через грудь, третий затянулся на шее. Последние примерки-прикидки сделал оратор в кургузом пиджачке и соскочил с пьедестала.

– Взяли!

– Раз-два, – подхватили в толпе.

– И-их, дубинушка, ухнем!

Три людских роя облепили канаты, натянули их до скрипа на бронзовом теле изваяния, до струнной, стальной упругости.

– Одумайтесь, что вы делаете? Люди!

...Сияло солнце, на небе ни облачка. У памятника нарастал прибоем гвалт. В апогее многоголосого дружного рёва раздался подобный стону скрежет, за которым последовал страшный грохот. Так врезается металл в камень, так падает что-то очень большое и тяжёлое.

Ныне памятник поэту восстановлен в первоначальном виде и стоит в садике Лядского – генерал-майора, который вошел в историю тем, что разбил этот сад и клумбы, а не вражеское войско. Это уже третье место в городе, которое украшает бронзовый «неусидчивый» Державин.

Остается надеяться, что причал здесь он найдет вечный!